

УДК 343.131(045)

*Л.В. Татьяна, Н.О. Машинникова***НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СВОБОДЫ ВОЛИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

В статье исследуются некоторые вопросы свободы воли правоприменителя в рамках уголовно-процессуальных правоотношений во взаимосвязи с проблемой диспозитивного начала в уголовном судопроизводстве. Ставятся вопросы о соотношении понятий публичности и диспозитивности при осуществлении правосудия по уголовным делам. Делаются выводы о том, что диспозитивность в уголовном судопроизводстве не противопоставляется его публичному началу, а дополняет его для целей достижения назначения уголовного судопроизводства. Выявляются характерные черты свободы воли в уголовном судопроизводстве. Авторами предлагается определение понятия «свобода воли» для целей уголовного судопроизводства. Указывается, что свобода воли правоприменителя в уголовном судопроизводстве может быть реализована правоприменителем только при условии наличия у него свободы выбора процессуального поведения и при обеспечении правоприменителя соответствующими ресурсами, представляющими собой набор процессуальных полномочий, закреплённых за каждым его участником. Анализируются и сопоставляются понятия «эмоциональность» и «убеждённость». Критикуется исключительно технологичный подход к уголовному судопроизводству, поскольку авторы исходят из того, что такое стремление к оптимизации уголовно-процессуальных форм может лишить правосудие индивидуального подхода к предмету разбирательства, а следовательно, справедливости в её уголовно-процессуальном смысле в части равенства всех перед законом и судом и индивидуализации наказания.

Ключевые слова: свобода воли, свобода выбора, публичность, диспозитивность, уголовно-процессуальная форма, судебное усмотрение, внутреннее убеждение, процессуальные полномочия, пределы реализации, волевой компонент.

DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-3-553-559

Вопрос о месте творческого начала в уголовном судопроизводстве является актуальным как для науки, так и для практики. Возможно ли посредством внутреннего убеждения достичь цели уголовного судопроизводства? Нужна ли свобода воли для принятия решения по делу или оно представляет собой лишь определённый алгоритм действий, заранее обусловленный предлагаемыми обстоятельствами? Указанные проблемы являются предметом жестких дискуссий в научных и правоприменительных кругах. Это обстоятельство обусловлено противоречием между объективностью цели уголовного судопроизводства и субъективностью средств её достижения.

Если ранее вопрос роли внутреннего убеждения в уголовном судопроизводстве и особенностей его реализации при осуществлении правосудия по уголовным делам неоднократно был предметом исследования, то свобода воли правоприменителя и её роль в осуществлении правосудия самостоятельному исследованию не подвергалась.

Чтобы определить уголовно-процессуальные элементы понятия «свобода воли», необходимо уяснить его сущностные характеристики. Само определение носит сложносоставной характер и включает в себя два самостоятельных понятия – «свобода» и «воля», и для того чтобы осмыслить его содержание, целесообразно остановиться на каждой из его составных частей в отдельности.

Первое, на что в этом аспекте необходимо обратить внимание – при ординарных обстоятельствах понятие «свобода» носит отрицательный характер, поскольку свобода характеризуется отсутствием зависимости или в какой-либо деятельности, или самого деятеля (субъекта) от определённого условия. Однако свобода от одного условия априори не подразумевает свободу от другого. В связи с этим при свободе от одного условия можно быть зависимым от другого, что подразумевает относительность рассматриваемого понятия.

Трудность возникает при определении положительного понятия свободы, поскольку оно определяется шириной области реализации субъектом своих возможностей и позитивным результатом его деятельности.

Свобода – понятие фундаментальное. Применительно к праву оно носит межотраслевой характер. Уголовное судопроизводство само по себе характеризуется существенным ограничением свобод его участников. Однако и ему свойственна свобода выбора участниками процессуального поведения. Специфика правоотношений, регулируемых уголовно-процессуальным законодательством, определяет особенности понятия свободы применительно к ним.

Исследованием процессуальной свободы и её пределов в уголовном судопроизводстве России занимается Э.Ф. Лугинец, которая справедливо отмечает, что право есть внешняя свобода в её философском понимании (как единства внутренней и внешней свободы), не тождественная свободе как правовой категории (которая ассоциируется только с внешней свободой)¹. Под процессуальной свободой она предлагает понимать процессуально неформализованную в рамках устоявшейся уголовно-процессуальной формы способность (возможность) субъекта путём осознанного выбора осуществлять любой законный вариант действий для оптимального разрешения конкретной уголовно-процессуальной ситуации в соответствии со своими потребностями².

Между тем применительно к должностным лицам в уголовном судопроизводстве, осуществляющим от имени государства уголовное преследование либо правосудие, необходимо отметить, что у них априори отсутствует собственная потребность, поскольку любое их процессуальное право представляет собой суть их процессуальной обязанности, которые в своей совокупности являются полномочием действовать в интересах государства. В связи с чем нельзя в полной мере согласиться с предложенным автором определением, поскольку личный интерес (потребности) в уголовном деле могут иметь только лица, не наделённые в соответствии с уголовно-процессуальным законом должностными полномочиями действовать от имени государства, тогда как процессуальная свобода предоставлена нормами закона и тем, и другим.

Обращаясь к понятию «воля» следует отметить, что оно находится в диалектическом взаимодействии с понятием «свобода», поскольку её проявление и реализация возможны лишь при наличии свободы выбора.

При этом необходимо оговориться, что в настоящем и последующем использовании термина «воля» мы будем иметь в виду не просто любое желание (осознанное или нет) либо потребность субъекта в чём-то, которые изначально и подразумевались в оригинальных текстах зарубежных исследователей³, но при переводе на русский язык были интерпретированы как «воля», а то её сущностное содержание, которое характеризуется наличием у субъекта властных полномочий, феноменом выбора, а также инициацией действий посредством волевого акта.

По мнению С.С. Алексеева, воля представляет собой «определённый психологический процесс - процесс, происходящий в психике людей»⁴. И. Кант отделил волю от процесса познания, указав на её особую практическую значимость. По его мнению, практика не опирается на познание, поскольку «оно не в состоянии дать ей руку помощи»⁵. В свою очередь Г.В.Ф. Гегель полагал, что воля представляет собой квалифицированный способ мышления, а именно «перемещение себя в наличное бытие»⁶. По его мнению, воля — практическая сторона духа, направленная не только на получение знаний, но и на их преобразование, она объединяет теоретическую и практическую стороны познания и является его выражением во вне, то есть одновременно и его результатом.

Вопросы свободы воли были предметом исследования в разных отраслях материального права и входили в круг научных интересов О.Н. Городновой, А.Г. Кибальника, Г.И. Начкебия, В.А. Номконова, С.В. Шевелевой, С.Г. Шевцова, Е.М. Эдельгауза, А.М. Яковлева и других. Между тем анализ воли как феномена выбора, обусловленного наличием у субъекта правоприменения властных полномочий на инициацию действий в рамках предоставленной ему широты вариативного поведения, в уголовном судопроизводстве исследованию ранее не подвергались.

Прежде чем рассматривать свободу воли в рамках уголовно-процессуальных отношений, необходимо определиться в вопросе о её наличии в уголовном судопроизводстве и выявить связанные с ней категории.

В любом процессуальном праве, в том числе и уголовно-процессуальном, реализация свободы воли возможна при условии наличия у правоприменителя свободы выбора процессуального поведе-

¹ Лугинец Э.Ф. Дефиниция «процессуальная свобода» в уголовном судопроизводстве, её признаки и виды // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31.) С. 216.

² Там же.

³ В силу неточности лингвистических конструкций при переводе на русский язык исследований Ф. Ницше и А. Шопенгауэра и других, используемые ими слова: англ. will, фран. volonte и нем. wille означают «желание», но не «воля».

⁴ Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Курс лекций. Свердловск, 1963. С. 27.

⁵ Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч. Т. 4, ч. 1 М.: Мысль, 1965. С. 250-289.

⁶ Гегель Г.Ф. В. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 68-69.

ния, то есть усмотрения, что в свою очередь обеспечивается посредством относительно определённых правовых норм и диспозитивного правового регулирования.

Под диспозитивностью Д.С. Штоль понимает «свободу, связанную с позитивным правом», которая, по его мнению, «представляет собой обеспеченную законом свободу лица выбирать модель своего поведения, причём указанная свобода осуществляется только в пределах предоставленного права»⁷. Исследуя проблему диспозитивности в уголовном судопроизводстве, автор рассматривает её только применительно к тем участникам процесса, которые действуют в личных интересах либо в интересах лиц, ими представляемых⁸. Юридический словарь даёт определение диспозитивности (*dispositivus*) как юридическому праву участников судебного процесса действовать по собственному усмотрению⁹. Можно сделать вывод, что диспозитивность является правовым основанием для реализации усмотрения. Однако она в равной степени охватывает и процессуальную деятельность судьи, который априори не должен действовать в личных интересах в ходе судебного разбирательства. Следовательно, под диспозитивностью в уголовном судопроизводстве можно понимать закреплённую в законе свободу выбора процессуального поведения участника судопроизводства, являющуюся правовым основанием для реализации его усмотрения. Наличие выбора подразумевает возможность реализации участником судопроизводства волевого компонента разной направленности, который происходит посредством реализации прав и полномочий. И вот здесь необходимо задаться вопросом: насколько большей ценностью обладает свобода выбора процессуального поведения при отсутствии свободы воли правоприменителя на её реализацию? Довольно часто планирование реализации процессуального волеизъявления по усмотрению требует учитывать объём потенциальных ресурсных вложений, которые потребуются как для реализации самого волеизъявления, так и его последствий. В их число входят процессуальные, материальные, эмоциональные и другие издержки. Под ресурсами здесь можно понимать совокупность прав и специальных полномочий, позволяющих реализовать своё внутреннее убеждение относительно исследуемого вопроса.

Свобода воли в уголовном судопроизводстве всегда опосредована свободой выбора процессуального поведения, а также обеспечена наличием у правоприменителя ресурса, представляющего собой набор процессуальных полномочий, закреплённый за каждым его участником. Реализация любой правовой позиции, а также любого из предоставленного участнику уголовного судопроизводства права обусловлены проявлением волевого компонента при наличии более одного возможного решения. В уголовном судопроизводстве свобода воли ограничена совокупностью процессуальных и материальных правовых норм, применяя и следуя которым происходит её реализация, из чего следует сделать вывод о том, что указанные нормы являются не только пределами реализации воли в уголовном судопроизводстве, но и средством её реализации.

В результате можно сделать вывод о том, что свобода воли в уголовном судопроизводстве представляет собой сложную совокупность объективных факторов и субъективных характеристик правоприменителя, характеризующаяся строгой направленностью, использующая в качестве средства реализации правовую норму, которая одновременно служит пределом для её реализации.

Между тем нельзя согласиться с Э.Ф. Лугинец в части её вывода о том, что процедурная (инструктивная) свобода применительно к уголовному процессу представляет собой такую правовую конструкцию, в которой отсутствие в уголовно-процессуальном законе прямого указания на конкретное действие следует рассматривать как запрет на его производство¹⁰.

В частности, в УПК РФ не урегулирован вопрос возможности обжалования частных определений (постановлений) в кассационном порядке. О праве на обжалование «частника» можно судить лишь исходя из толкования ст. 46 Конституции РФ и общей нормы о праве на обжалование, закреплённой в ст. 19 УПК РФ. Прямо такое право лицу, в отношении которого вынесено частное определение (постановление) действующим УПК РФ, не предоставлено. Между тем оно является неотъемлемым правом лица, в отношении которого постановлен судебный акт. Особую актуальность вопрос приобретает, если лицом, в отношении которого постановлен такой судебный акт, является судья.

⁷ Штоль Д.С. Диспозитивность и её отдельные проявления в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12:00:09. Челябинск, 2009. С. 20.

⁸ Штоль Д.С. Указ. соч. С. 10.

⁹ Краткий юридический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Институт новой экономики, 2005. С. 146.

¹⁰ Лугинец Э.Ф. Идея «процессуальной свободы» в современном уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12:00:09. Н. Новгород, 2016. С. 10-11.

Это обусловлено как раз тем, что судья реализует свои процессуальные полномочия по собственному усмотрению, исходя из внутреннего убеждения для целей принятия законного, обоснованного и справедливого решения. В случае если судья полагает, что при рассмотрении уголовного дела (жалобы, представления и т.д.) он действовал в пределах представленных ему полномочий и в соответствии с внутренним убеждением и считает, что в результате совершённых процессуальных действий принял верное решение, он имеет право на обжалование вынесенного в отношении него акта судебного реагирования. Такое право является гарантией реализации судом внутреннего убеждения и судебного усмотрения как обеспечение правосудности постановленного им приговора. Между тем исходя из логики Э.Ф. Лугинец право на обжалование частного определения (постановления) в кассационном порядке судье не предоставлено. Однако такой вывод опровергается судебной практикой (например, Определением Верховного Суда РФ по делу № 11-УД21-48-К6 от 28.10.2021 г.).

Возможность реализации свободы воли в уголовном судопроизводстве обусловлена наличием у субъекта правовой автономии, согласно которой каждый субъект уголовного процесса осуществляет совокупность принадлежащих ему прав либо полномочий для достижения заявленной в законе цели.

Ранее принцип диспозитивности противопоставлялся назначению уголовного процесса в целом. Полагалось, что он противоречит принципу объективной истины. Именно такой позиции придерживался А.Я. Вышинский в своей теории судебных доказательств. Между тем Н.Н. Полянский признавал присущность принципа диспозитивности уголовному процессу, но с существенными ограничениями¹¹. В свою очередь М.С. Строгович не только признавал наличие диспозитивности в уголовном судопроизводстве, но и разделял её на материальную, под которой им понималась свобода распоряжения предметом уголовного судопроизводства по делам частного и частно-публичного обвинения, и процессуальную, под которой им понималась свобода распоряжения уголовно-процессуальными средствами стороной¹².

А.Л. Цыпкин обуславливал диспозитивность наделением участника процесса определёнными правами, которым не корреспондирует одновременная обязанность воспользоваться ими¹³.

Г.В. Джафаров указывает на бинарный характер принципа диспозитивности в контексте взаимоотношений позиций государства и индивида, полагая, что праву и свободе субъекта на распоряжение ими соответствует корреспондирующая этим правом обязанность должностного лица либо государственного органа¹⁴.

По мнению А.С. Барабаша, диспозитивность определяет движение дела, что характеризует её как антипод публичности¹⁵.

Наиболее интересной по вопросу диспозитивности в уголовном судопроизводстве является позиция Е.В. Около-Кулак, которая рассматривает его как элемент принципа публичности¹⁶. Автор справедливо указывает на то, что сопоставление и противопоставление публичности и диспозитивности является изначально неверным, поскольку указанные категории представляют собой разный уровень абстракции. Необходимо согласиться с утверждением автора о том, что использование дискреционных оснований участниками уголовного процесса является признаком его диспозитивности, а деятельность должностных лиц в соответствии с началом официальности может иметь в том числе и диспозитивные основания.

Такое количество разных подходов к пониманию вопроса диспозитивности и её роли в уголовном судопроизводстве указывает на неоднозначность его решения.

¹¹ Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д.С. Краева. М.: Изд-во Московского ун-та, 1956. С. 84.

¹² Строгович М.С. Уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1946. С. 81-82.

¹³ Цыпкин А.Л. О диспозитивности в российском уголовном процессе // Советское государство и право. 1958. № 3. С. 132.

¹⁴ Джафаров Г.В. О проявлениях диспозитивных основ в уголовном судопроизводстве по законодательству Азербайджанской Республики // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2019. № 4. С. 243-244.

¹⁵ Барабаш А.С. К вопросу о содержании диспозитивности в современном уголовном процессе // Вестник Уральского юрид. ин-та МВД России. 2017. № 4. С. 40.

¹⁶ Около-Кулак Е.В. О содержании принципа публичности в уголовном процессе // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. Д: Экономические и юридические науки. Уголовное право и процесс. 2011. № 14. С. 205.

Между тем наиболее целесообразно рассматривать автономию воли как выражение диспозитивности в уголовном судопроизводстве, как возможность реализации дискреционных полномочий управомоченного лица.

Само противопоставление публичности и диспозитивности в уголовном судопроизводстве обусловлено наличием/отсутствием у правоприменителя свободы выбора процессуального поведения в конкретных обстоятельствах. Наличие у должностного лица, обладающего полномочиями по принятию процессуальных либо итоговых решений, свободы выбора процессуального поведения (дискреционных полномочий) может быть реализовано лишь при наличии у него свободной воли на принятие одного из возможных вариантов решений. Из этого можно сделать вывод о том, что диспозитивность в уголовном судопроизводстве не противопоставляется его публичному началу, а дополняет его для целей достижения назначения уголовного судопроизводства.

Кроме того, относительная определённость, обеспечивающая свободу выбора процессуального проведения, минимизирует казуальность уголовно-процессуальных норм и позволяет применять их с наибольшей эффективностью.

Критикуя современный уголовный процесс за наличие в нём усмотрения и относя его частично к сфере искусства, А.Ю. Смолин в качестве его основного негативного свойства приводит эмоциональность как фактор, от которого принятое по делу решение зависеть не должно¹⁷. Однако система принятия любого решения по делу опосредована совокупностью не только прав, но и обязанностей, а также формальных требований, которым оно должно соответствовать, что не позволяет принимать решение исключительно путём эмоционального всплеска. Кроме того, существует система судебного контроля, которая в этом случае является эффективным средством предотвращения возникновения такой ситуации. Придание уголовному процессу свойства технологичности, за которое так ратует автор, с одной стороны действительно позволит оптимизировать уголовно-процессуальные формы, но с другой стороны лишит правосудие индивидуального подхода к предмету разбирательства, а значит и справедливости в её уголовно-процессуальном смысле в части равенства всех перед законом и судом и индивидуализации наказания. Кроме того, при таком подходе самостоятельным и концептуальным вопросом встанет вопрос оценки доказательств по неясным преступлениям. Особенно это актуально по экономическим делам с «размытыми» фабулами.

Безусловно, неотъемлемым свойством уголовного процесса должна быть рациональность, которая отнюдь не противопоставляется внутреннему убеждению и свободе выбора, а наоборот, обусловлена последними. В свою очередь эмоциональность, которую автор приписывает современному уголовному процессу, отнюдь не влияет на его результат, поскольку эмоция – явление, как правило, краткосрочное и иррациональное, а убеждённость – это результат анализа, проверки и оценки доказательств. Длительное эмоциональное состояние относительно исследуемого события и лиц к нему причастных представляет собой предубеждённость и приводит к дефекту оценки доказательств.

Что касается закрепления в ст. 17 УПК РФ такого оценочного суждения, как «совесть», то по мнению О.А. Суховой, оно представляет собой декларативное напоминание судье о необходимости руководствоваться ею при отсутствии законодательно закреплённых критериев её оформления в определённые правовые рамки¹⁸. Такая «норма-цель» направлена на достижение внутреннего баланса правоприменителя при разрешении уголовного дела. Между тем нельзя согласиться с утверждением Н.С. Гаспаряна о том, что правовое оформление термина «совесть», с однозначным толкованием и понятное для правоприменителя, впоследствии позволит обнаружить эту самую совесть у кандидатов на должность судьи для целей установления их профпригодности¹⁹. Это обусловлено тем, что совесть представляет собой сложносоставное понятие и зависит от множества как объективных условий, так и субъективных качеств, в связи с чем, маловероятно, действия правоприменителей по руководству совестью при оценке доказательств будут единообразны. Кроме того, есть сомнения, что каждый из них будет воспринимать совесть соответственно её нравственному смыслу.

Некоторые авторы при сравнении противопоставляют друг другу принцип свободы оценки доказательств, закреплённый в ст. 17 УПК РФ с принципом всесторонности, полноты и объективности

¹⁷ Смолин А.Ю. Уголовный процесс как технология: предпосылки концепции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 157-158.

¹⁸ Сухова О.А. Проблемы реализации судом свободы оценки доказательств по уголовным делам // Социально-политические науки. 2012. № 4. С. 81.

¹⁹ Гаспарян Н.С. Нужна ли суду совесть? // Новая адвокатская газета. 2020 г. № 20. URL: <https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/nuzhna-li-sudu-sovest/>.

рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности, который ранее был закреплён в ст. 20 УПК РСФСР, указывая на то, что последний был направлен на ограничение субъективизма и борьбу с предвзятостью, ведущих к обвинительному уклону в деятельности судей.

Действующий УПК РФ не конкретизирует и не выделяет в отдельный принцип всесторонность, полноту и объективность при рассмотрении уголовного дела. Однако, исходя из требований ст. 389.16 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что именно неполнота, отсутствие всесторонности и объективности при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции являются основанием для его пересмотра в суде апелляционной инстанции (п. 1 ст. 389.15 УПК РФ). Таким образом, интерпретация принципа свободы оценки доказательств по уголовному делу как предоставление правоприменителю излишних полномочий, способствующих его предвзятому отношению к лицам, участвующим в деле, а также проявлению немотивированного субъективизма, является неверной, поскольку и должен рассматриваться в контексте всех остальных норм уголовно-процессуального закона.

Требование о руководстве совестью при осуществлении правосудия содержится только в УПК РФ. Более ни один из действующих процессуальных законов такого требования не одержит. Можно предположить, что это обусловлено спецификой регулируемых правоотношений и структурой самого уголовного судопроизводства с наличием у него досудебной стадии, к результатам деятельности которой суду следует относиться критически. Кроме того, совесть является внутренним нравственным ориентиром (стимулом) для реализации судом воли в пределах предоставленных ему дискреционных полномочий. Совесть представляет собой качество субъекта правоприменения, отдельная оценка которого невозможна. Однако можно предположить, что её функция должна обеспечивать достижение назначения уголовного судопроизводства, закреплённого в ст. 6 УПК РФ.

Как справедливо указывает А. Н. Конев, каждая из сторон уголовного судопроизводства, а также суд, имеют в нём свои функции и задачи, которые им необходимо осознать и достигать. Их совокупным общесоциальным назначением является урегулирование уголовно-правового конфликта²⁰.

В настоящее время критическое отношение суда к результатам досудебного производства по уголовному делу, к сожалению, является редкостью. Возможно, это обусловлено тем, что законодатель не конкретизировал в законе цели и задачи субъектов правоприменения в зависимости от их статуса в уголовном судопроизводстве и его стадии. Между тем, сформировать бережное и уважительное отношение к правосудию возможно лишь при условии понимания должностными лицами целей своей деятельности, её задач, правовых и морально-нравственных пределов её осуществления. В настоящее время при осуществлении правосудия судья исходит из того, что ст. 6 УПК РФ является тем нравственным пределом, в соответствии с которым осуществляют свою процессуальную деятельность должностные лица в досудебном производстве. Однако цели и задачи каждой из них в отдельности не всегда могут соответствовать ст. 6 УПК РФ.

Судебное усмотрение как форма проявления дискреционных полномочий обусловлена необходимостью принимать процессуальное решение на основе внутреннего убеждения.

Свобода воли суда при осуществлении им правосудия по уголовным делам имеет сходные пределы с судебным усмотрением, ограничена назначением и принципами уголовного судопроизводства, общими условиями судебного разбирательства и уголовно-процессуальной формой. Однако помимо формального (объективного) ограничения, представляющего собой свободу выбора процессуального поведения, свобода воли находит своё выражение в волевом акте, который вследствие его реализации сам становится и пределом для дальнейшей как свободы выбора процессуального поведения и свободы воли для его реализации, так и их результатом.

Поступило в редакцию 12.04.2022

Татьяна Лариса Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности
Машинникова Наталья Олеговна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры
уголовного процесса и правоохранительной деятельности
E-mail: n-alico@mail.ru

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)

²⁰ Конев А.Н. Идеологические основы целеполагания в современном отечественном уголовном процессе // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016 г. № 2(34). С. 164.

L.G. Tatyana, N.O. Mashinnikova

SOME ASPECTS OF FREE WILL IN CRIMINAL PROCEEDINGS

DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-3-553-559

The article examines some issues of the law enforcement officer's freedom of will within the framework of criminal procedural legal relations in connection with the problem of the dispositive principle in criminal proceedings. Questions are raised about the relationship between the concepts of publicity and dispositivity in the administration of justice in criminal cases. Conclusions are drawn that dispositivity in criminal proceedings is not opposed to its public beginning, but complements it for the purpose of achieving the assignment of criminal proceedings. The characteristic features of free will in criminal proceedings are revealed. The authors propose a definition of the concept of "free will" for the purposes of criminal proceedings. It is indicated that the freedom of will of a law enforcement officer in criminal proceedings can be implemented by a law enforcement officer only if he has the freedom to choose procedural behavior and if he is provided with appropriate resources, representing a set of procedural powers assigned to each of its participants. The concepts of "emotionality" and "conviction" are analyzed and compared. An exclusively technological approach to criminal proceedings is criticized, since the authors proceed from the fact that such a desire to optimize criminal procedural forms can deprive justice of an individual approach to the subject of the proceedings, and therefore justice in its criminal procedural sense in terms of equality of all before the law and the court and individualization of punishment.

Keywords: freedom of will, freedom of choice, publicity, dispositivity, criminal procedural form, judicial discretion, internal conviction, procedural powers, limits of implementation, volitional component.

Received 12.04.2022

Tatyana L.G., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Law Enforcement
Mashinnikova N.O., Candidate of Law, Advocate,
Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Law Enforcement
E-mail: n-alico@mail.ru

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034